

Часть I

Глава 1

Платформа была такая, на которую каждый хотя бы раз в жизни приезжал летом вечерней электричкой.

Но очень давно уже Алеся не оказывалась на дачных платформах, которые и названия даже не имеют, просто написано «71-й километр» или что-нибудь такое. Маргарита была ее первой настоящей московской подругой, у которой есть настоящая московская дача. Именно дача в старом дачном поселке, а не дворец за двухметровым забором. Подруг с дворцами у Алеси, правда, тоже не было, но таких ей было и не надо, а Маргаритиной дружбой она дорожила. И на даче у той оказалось хорошо — очень просто, даже бестолково, но бестолковость Алеся любила тоже. Если не по работе, конечно.

Мама у Маргариты была старенькая и прозрачная, как фиалка, вложенная между страницами книги. Рано утром она читала по-итальянски, сидя в плетеном кресле на веранде, а когда проснулись Алеся и Маргарита, сварила им кофе в медном кофейнике. Алеся думала, такие кофейники бывают только в стихотворении Маршака про старушку и пуделя.

На этой даче цвели мальвы, как у бабушки в Багничах. Открыв утром окно, Алеся вспомнила, что в детстве делала мальвовых принцесс, насаживая на спички цветы вместо платьев и нераспустившиеся бутоны вместо головок

в коронах. Очень красивые принцессы получались, розовые и малиновые. Бабушка сердилась, что внучка цветы обрывает, но сердилась все-таки не очень, мальвы-то вдоль загороди стояли вереницей.

В общем, два дня, которые Алеся провела в Мамонтовке, были прекрасны. Не только потому, что спала как убитая и отдохнула, как в отпуске, но потому что все очень просто было в скрипучем старом доме под березами и соснами, и от этого нисходил на душу покой. От простоты Алеся в Москве отвыкла.

Маргарита хотела проводить ее до электрички, но она отказалась: собирался дождь, и если к платформе еще можно успеть до него, то вернуться обратно Рита не успеет точно.

Электричка все не приходила. Открыв в телефоне приложение, Алеся обнаружила, что ее отменили, а следующая будет через полчаса.

Она села на лавочку под навесом. И почему было заранее не глянуть? Людей на платформе почти нет — видимо, многие оказались предусмотрительнее.

— Берите ежевику! — услышала она хриплый голос. — Самая полезная ягода, шлаки выводит из организма.

Повернув голову, Алеся увидела, что рядом с навесом топчется алкашка, которую она встретила по дороге к платформе. Пятнадцать минут назад та попросила у нее сигарету и осталась недовольна, что девушка некурящая — какие все зожники стали! А теперь, значит, вывод шлаков пропагандирует.

— Никаких шлаков в организме нет, — ответил мужчина, которому алкашка протягивала банку с ежевикой.

Алеся посмотрела на него с интересом. Человека, знающего это, она последний раз видела в медицинском колледже, он был куратором ее группы. То есть и в больницах, где она работала, тоже, конечно, нашлись бы такие люди, но на работе речь о шлаках как-то не заходила.

— Как же нету! — хмыкнула алкашка. — Едим-то мы что? Пальмовое масло. Берите, мужчина, берите ягоду, не пожалеете. В ней вся таблица Менделеева.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся он. — Вдоль шоссе собирали? Ладно, давайте. Только вместе с банкой.

Та с готовностью сунула ему банку, выхватила у него из рук деньги и припустила по лесенке вниз с платформы — к магазину, конечно.

На вид человек интеллигентный. И не похоже, что ему нужны ягоды, собранные у шоссе. Он сел рядом с Алесей на лавочку. Она чуть не спросила, зачем он купил ежевику, но не спросила, конечно.

— Смешно? — Он покосился на нее. — Ну да, приобретение не из ценных. Но не обязательно же это съесть.

— А зачем тогда купили? — все-таки поинтересовалась Алеся.

Как это он заметил, что ей смешно? Она и не улыбалась даже.

— Просящему у тебя — дай, — объяснил он. — Я не религиозен, но это одна из тех библейских максим, с которыми готов согласиться.

«Если каждому давать, поломается кровать», — вспомнила она детсадовскую поговорку.

Но тут же поняла, что у самой так всегда и выходило: если что-нибудь просили прямо у нее, то отказать не получалось. Хотя в любых других случаях она руководствовалась здравым смыслом.

— А вообще-то ничего себе ежевика. — Он высыпал из банки несколько ягод на ладонь, а потом отправил в рот. — Спелая. Угощайтесь, если таблицы Менделеева не боитесь.

Алеся засмеялась и тоже подставила ладонь. Собеседник не был похож на сухую фиалку, но все-таки напоминал Маргаритину маму. Не исключено, что узкая книга, которая выглядывает из кармана его куртки, итальянская.

— Электричку отменили, — на всякий случай сообщила Алеся.

Может, он приложениями не пользуется, все-таки не очень молодой.

— Да, я по дороге посмотрел, — кивнул он. — Но с полпути возвращаться уже смысла не было.

— Из Мамонтовки шли?

— Прямо за вами.

— Я в гости приезжала, — зачем-то сказала она. — К подруге.

— Да, я понял, что вы не наша. Не мамонтовская, в смысле. Игорь Павлович, — представился он.

Хорошо, что сразу с отчеством — может, клеиться не намерен. Ничего отталкивающего в нем нет, и глаза умные, но было бы неприятно, если б стал приставать. Лет ему за пятьдесят уже, наверное, и для чего она такому? Поднять самооценку, больше ни для чего.

— Алеся, — ответила она.

— Ух ты! Как у Куприна. Из Украины?

— Из Беларуси. У Куприна Олеся через «о», а я через «а».

— А полное имя как будет?

— Так и будет.

— Вы из Минска?

— Из Пинска. Это в Брестской области. Полесье.

— И давно в Москве? Извините, — оговорился он. —

Отвечать не обязательно.

Конечно, не обязательно. Но видно же, что ему действительно интересно, и человек приличный — почему не ответить?

— Год. Я медсестра.

— В поликлинике работаете?

— В больнице.

— То есть слухи, что у вас там в Беларуси советские молочные реки текут в кисельных берегах, сильно преувеличены?

— А с чего бы я сюда приехала, если бы так? — усмехнулась она.

— Это я риторический вопрос задал, конечно.

— А я вам риторически ответила.

Он промолчал, но посмотрел на нее с приязнью и придвинул к ней поближе банку. Алеся насыпала ежевики себе в горсть. Игорь Павлович доел остальную.

— Алеся, а капельницы вы умеете ставить? — спросил он.

— Это тоже риторический вопрос?

— Во времена моей молодости такой вопрос медсестре — да, был бы риторическим. А теперь нет. Хотя для вас он и обиден, может быть.

Она чуть было не сказала, что на обиженных воду возят, но все-таки ответила:

— Умею.

Да и на что обижаться? Во-первых, он ее вообще не знает, а во-вторых, неизвестно, как во время его молодости, а в настоящее время не все медсестры умеют даже внутривенные уколы толком ставить, тем более капельницы.

— Тогда вас послал мне счастливый случай, — сказал он.

— Да? А вдруг я про капельницы вру?

— Думаю, нет.

— Почему вы так думаете?

Алесю разобрало любопытство.

— Интуитивно. К тому же и толика мистики, которая во мне все-таки есть, подсказывает, что это должно быть правдой. Про толику мистики Алеся не поняла, и он, наверное, об этом догадался, потому что пояснил: — Медсестра, которая приходит к моей маме, полчаса назад позвонила и сообщила, что уезжает на неделю и сегодня не придет. Я еду в город, лихорадочно размышляя, где мне срочно найти медсестру, которая умеет ставить капельницы. И встречаю эту медсестру на платформе электрич-

ки. Таким совпадениям стоит доверять, по-моему. Потому я думаю, что вы не врете и что вы хорошая медсестра.

— Ну да, неплохая, — кивнула Алеся.

А что ей скромничать? Не замуж выходит. Хотя чтобы замуж выйти, скромничать тем более ни к чему.

— Сможете маме капельницу поставить? — спросил он. — Хотя бы сегодня.

— А назначение от врача есть?

В таких делах Алеся была щепетильна. Мало ли что внешность у этого Игоря Павловича располагающая. Недавно она прочитала документальную книгу про Агнессу, жену сталинского чекиста. И больше всего ее поразила фотография Агнессинаго мужа — лицо хорошее, взгляд умный и печальный. Такому то ли на скрипке играть, то ли детей в школе учить. А он людей без счета расстреливал, и сон у него после работы, Агнесса эта вспоминает, крепкий был.

— Назначение покажу, — кивнул Игорь Павлович. — Подписи, печати. Лекарства в аптечной упаковке.

— Я вам тоже паспорт покажу, — сказала Алеся. — И свой рабочий пропуск в больницу.

— Конечно.

Все-таки с москвичами легко. Может, они и холодные, и чересчур прагматичные, но зато никогда не почувствуешь себя неловко. Да — да, нет — нет, всё прямо говорят, и никаких обид и недоразумений.

Дождь наконец начался, под навес сразу набегали люди, и к подошедшей электричке все бросились толпой, чтобы поменьше промокнуть. На краю платформы Игорь Павлович крепко взял Алесю под руку, чтобы ее не столкнули в почти метровый зазор между платформой и вагоном. Внутри вагона пройти было уже невозможно, и всю дорогу до Москвы они стояли в тамбуре, глядя в исхлестанное дождем окно и разговаривая о всяких неважных, но интересных вещах.

С Ярославского вокзала Игорь Павлович предложил сразу ехать к нему, чтобы и капельницу маме поставить сразу, и Алеся согласилась.

Глава 2

Переулок в пяти минутах от метро «Курская» назывался Подсосенский. Алесе нравились такие названия. Вернее сказать, они ее завораживали, и не столько старинностью, сколько необъяснимостью. В Пинске названия старых улиц понятные, в Минске тоже, а в Москве многие называются по каким-то странным приметам.

Алеся подумала, что этот переулок был Подсосенским всегда, но оказалось, вовсе нет.

— В двадцатые годы переименовали, — сказал Игорь Павлович. — Раньше Введенским назывался, по церкви Введения под Сосенками, вон она стоит. А после революции только сосенки от названия оставили. В свете борьбы с религией.

Дом за чугунной решетчатой оградой тоже не выглядел особенно старым. Очень уж прямолинейный, строгий, без украшений; под сосенками таких домов не строили точно. Но все-таки и чересчур добротный для того, чтобы считать его современным. Потолки в подъезде высоченные, и лестница широкая.

— Дом во время нэпа строили. Это и по стилю понятно — классический конструктивизм, — объяснил Игорь Павлович, когда Алеся сказала про лестницу. — Для советской респектабельной интеллигенции. Сталин своему личному врачу в первом подъезде квартиру подарил. А вот здесь раньше скамеечка стояла между вторым и третьим этажами. В этой нише. Я ее помню еще. Чтобы можно было отдохнуть, если подниматься устал. В детстве очень удивлялся: как это два этажа пройти и устать?

Теперь уже не удивляется, конечно. Но все-таки он поджарый, быстрый и на третий этаж поднялся легко.

В квартире было тихо и как-то сонно. Алеся умела различать жилье, в котором нет молодых людей, это было как раз такое.

— Ты, Игореша? — раздался голос из дальней комнаты.

— Да, мама, — крикнул Игорь Павлович. — Лежи, не вставай. Ванная вон там, — сказал он Алесе. — Мойте руки и приходите в мамину комнату.

В ванной Алеся поняла, что квартира эта очень хорошо отремонтирована, то есть ремонт в ней совсем не заметен: ощущения старческой замызганности нет, но и нововдела не чувствуется тоже. Что можно было сохранить, то сохранили, а что пришлось заменить — ванну, краны, — то заменили в схожем стиле.

Моя руки, Алеся посмотрела в зеркало. Собственный взгляд показался ей растерянным, чуть ли не испуганным. Хотя что особенного происходит? Не раз ведь делала платные уколы на дому, как и любая медсестра.

Она поколебалась, какое полотенце взять, и взяла свежее из тех, что стопкой лежали на полке в углу.

— Вот, мама, — сказал Игорь Павлович, когда она вошла в комнату и поздоровалась. — Это Алеся, сегодня она тебе капельницу поставит.

— Спасибо, Алеся. — Старушка улыбнулась. — А то я уже и сама переполошилась, что день пропущу, и сына переполошила. Как курица. Меня Ирина Михайловна зовут.

Она была полная, рыхлая и сидела в подушках на широкой кровати. Но выглядела ухоженно, даже волосы были тщательно покрашены в естественный русый цвет.

Между кроватью и стойкой для капельницы лежали на тумбочке аптечные коробки.

— А можно назначения ваши посмотреть, Ирина Михайловна?

Алеся улыбнулась, произнося это. Таких пациенток она различала сразу. Они действительно готовы переполошиться из-за любой ерунды чуть не до обморока, но так же легко успокаиваются, как только видят уверенность и доброжелательность. Доверчивы они до детскости, и это доставляет им немало бед. Но Алесе такая доверчивость всегда нравилась. Обманывать она никого ведь не собирается, а если человек доверчивый, то он и не лезет с занудными расспросами, и очень удобно не рассказывать перед каждым уколом, не был ли твой отец алкоголиком и какие отметки у тебя были в медицинском колледже.

Капельницы были назначены в поликлинике, лекарства такие, которые Алеся и сама бы назначила для поддержания сердечной деятельности. Ничего особенного, в общем. Если есть во всем этом странность, то лишь в том, почему Игорь Павлович не вызвал медсестру из любой платной службы, которых по Москве миллион с хвостиком.

— Я и сам переполошился слегка, — сказал он.

— Нет-нет, это именно я тебя переполошила! — возразила Ирина Михайловна. — Сам ты не склонен паниковать, и правильно.

— Но Алеся действительно квалифицированная медсестра. — В его голосе не слышалось ни отзвука сомнения. — Так что моя паника оказалась кстати. Неизвестно, кого бы я второпях в интернете нашел.

— Капельницы хорошо переносите? — спросила Алеся.

— Прекрасно, — ответила Ирина Михайловна. — Нет никакой необходимости ложиться в больницу!

«Значит, предлагали», — поняла Алеся.

И сразу пожалела, что согласилась ставить капельницу на дому. Даже не пожалела, а испугалась. Неизвестные люди, и кто знает, что у них на уме... — Давайте давление померяем, — сказала она.

— Сто шестьдесят на восемьдесят, — сразу же откликнулась Ирина Михайловна. — Это мое рабочее.

— Сто шестьдесят не должно быть рабочим, — заметила Алеся. — Что вы принимаете?

Давление именно таким и оказалось, и пока старушка перечисляла свои лекарства, Алеся подготовила капельницу. Когда ставила ее, Игорь Павлович смотрел, как она это делает. Мама называла это «над душой стоит» и терпеть не могла, но Алеся еще в колледже к этому привыкла, и сразу после учебы, когда начала работать в больнице, каждое ее движение оставалось под контролем. А как иначе? Случись что, кто кому будет объяснять, что медсестра была неопытная?

Вены у Ирины Михайловны оказались плохие, но Алеся попадались и похуже.

— Чаю выпьете, кофе? — предложил Игорь Павлович, когда капельница была поставлена.

— Нет, я здесь послежу, — отказалась Алеся.

Мало ли какая у больной окажется реакция. Лучше не отходить ни на шаг. Об этом она, правда, говорить ее сыну не стала.

— Я сюда и принесу, — сказал он. — Так чай или кофе?

Алеся думала, придется без умолку беседовать с Ириной Михайловной. Но та свободной от капельницы рукой взяла с тумбочки книгу и погрузилась в чтение.

Игорь Павлович принес себе чай, а Алесе эспрессо. Как гудела кофейная машина, не было слышно из-за того, что квартира большая и стены, наверное, толстые.

Она не говорила, что любит именно эспрессо, но уже не удивилась его догадливости.

— Куда вы ходите в Москве? — спросил Игорь Павлович, садясь в кресло в углу.

— Много куда, — ответила Алеся.

— Так моя внучка всегда отвечает. — Он улыбнулся. — Что ты сегодня сделала? Много чего. Куда ты ходила гулять? Много куда. Ей пять лет.

— Мне тридцать. — Алеся улыбнулась тоже. — Ходила в Третьяковку на выставку Мунка. Это неделю назад. А потом на работу только.

— На Мунка долго стояли?

— В интернете билеты взяла, день и время указаны. Я же по графику работаю, могу заранее рассчитать.

— Понравился Мунк?

— Очень.

— Вообще-то странно.

— Почему? — удивилась Алеся.

— Он довольно болезненный художник, по-моему. А вы — наоборот.

Себя Алеся болезненной, конечно, не считала, ни в смысле физического здоровья, ни в том смысле, который имел в виду Игорь Павлович. Но разве человеку должно нравиться только то, что свойственно ему самому?

— Разве человеку должно нравиться только то, что свойственно ему самому? — оторвавшись от книги, сказала Ирина Михайловна.

Алеся посмотрела на нее почти с опаской, но спохватилась и спросила:

— Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно, хотя в сон клонит, — ответила та.

— Так и должно быть, — кивнула Алеся. — Можете подремать. Мы тихо посидим, не будем вам мешать.

— Вы не мешаєте. Читать мне вообще не мешает никто и ничто.

Она снова взяла книгу с одеяла.

— Я вас не обидел, Алеся? — спросил Игорь Павлович.

— Чем?

— Что сказал о вас и о Мунке. Неприятно, когда тебя оценивают. Даже если оценка положительная.

— Я и так знала, что вы меня оцениваете, — пожалала плечами Алеся. — И я вас тоже. Вы же незнакомого человека с улицы в дом привели. И я к незнакомым людям

пришла, капельницу ставлю. Конечно, мы друг друга оцениваем, ничего особенного.

— Не знаю, как меня, а вас оценить не сложно. Ошибки, конечно, бывают, но все-таки я был бы очень удивлен, если бы оказалось, что в вас таятся бездны.

Он смотрел внимательно, и в его спокойных карих глазах никаких бездн не таилось.

— Это потому что у меня глаза такие? — вздохнула Алеся. — Мне все говорят.

— А они на самом деле не такие?

— Это же ничего не значит. Просто окраска радужной оболочки.

— Но впечатление создают определенное.

Он улыбнулся.

— Бабушка, когда я родилась, по глазам мне пралесками водила и говорила: «Будьте вочки як пралески». — Алеся улыбнулась тоже. — Потому они такие голубые, может.

— Как-как? — заинтересовался он. — Я думал, Пралеска — это ваша фамилия.

У него брови приподнялись, когда он паспорт ее смотрел, Алеся заметила.

— Фамилия, — кивнула она. — Но и цветок так называется. Первоцвет.

— Вон что. Алеся Пралеска. Красиво. И смешно. Вернее, задорно.

— Ирина Михайловна, будем капельницу снимать, — сказала Алеся.

— Уже? — Та подняла глаза. Они были отрешенные — похоже, не от капельницы, а от полной погруженности в книгу. — На самом интересном месте!

— На каком? — с интересом же спросила Алеся.

— Когда Клэри идет в ресторан и начинается бомбежка. Это Лондон в сорок первом году, «Хроника семьи Казалет». Не читали? Книга просто прекрасная, так увлекает! Если хотите, могу вам дать, прочтете на одном дыхании.

— Спасибо, — ответила Алеся. — На одном дыхании не получится. Работы много, не успеваю.

— У вас семья?

— В Пинске.

— Скучаете, наверное.

Сочувствие в голосе Ирины Михайловны было искренним, а отсутствие дальнейших расспросов — тактичным.

— Конечно, — кивнула Алеся. — Как самочувствие после капельницы?

— Вполне. Легкое головокружение, но это всегда.

— Не вставайте пока, — забеспокоилась Алеся. — В туалет, конечно, захочется... Идите очень осторожно. А лучше бы вам судно.

— Еще не хватало! — Ирина Михайловна вздрогнула. — Нет-нет, это мне рано.

— Полежи, мама, — сказал Игорь Павлович. — А я Алеся еще кофе предложу. Чтобы она еще немного у нас побыла.

— Я и так побуду, — ответила Алеся.

— Предложи лучше суп, — сказала Ирина Михайловна. — Алеся наверняка проголодалась.

— Спасибо, я... — начала было она.

— Вы одна живете, первое не готовите, — перебила Ирина Михайловна. — А для желудка суп необходим. Поешьте, пожалуйста. Он вкусный, моя невестка прекрасно готовит.

Алеся не говорила, что живет одна, но возражать не стала. И против супа тоже.

В кухне Игорь Павлович потрогал стоящую на плите кастрюлю и включил под ней конфорку.

Готовила его жена, может быть, и хорошо, но в кухне, несмотря на чистоту, царило запустение. Или как раз из-за мертвенной чистоты такое впечатление создавалось. Или из-за строгого серо-зеленоватого цвета стен. Не похоже, что здесь готовят, еще меньше похоже, что собирается за обедом семья. Хотя в такой квартире, наверное, не в кух-